

УДК 81

**ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**
В.А. МАСЛОВА

**MEANING AND SENSE IN
A POETIC TEXT**
V.A. MASLOVA

© 2011 г., Валентина Авраамовна Маслова – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета, г. Витебск, e-mail: mvavit@tut.by

В данной статье делается попытка дифференциации значения и смысла текста, личностного смысла, поэтического смысла. Автор статьи отстаивает коммуникативно-деятельностный подход к поэтическому смыслу.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтические смыслы, личностные смыслы, значение.

The article attempts at differentiating the meaning and sense of a text, personality sense, poetic sense. The author emphasizes communicative and function approaches to the poetic sense.

Keywords: poetic text, poetic senses, personality senses, meaning.

Поступила в редакцию 20.10.2010

Сдана в печать 26.10.2010

Проблема значения слова – одна из самых сложных не только для лингвистики, но и для философии, психологии, логики, герменевтики. Сущность значения понимается в этих науках по-разному в зависимости от принятых в науке установок, либо различий в авторских позициях, что объясняет отсутствие на сегодняшний день единой общепринятой дефиниции значения слова.

Можно выделить несколько направлений в развитии семасиологии, которые условно можно назвать так: традиционное, формальное, когнитивное, психолингвистическое и др.

В традиционной лингвистике до сих пор преобладает теоретическое постулирование значения в логико-рационалистическом аспекте с приравниванием значения к понятию и перечислением необходимых и достаточных признаков, установлением истинности через логические исчисления и т.д. или описание семантической структуры слова на основании анализа продуктов речи – текстов. Традиционная лингвистика пытается объяснить природу значения как совершенно независимую от личности человека. Так, референциальные теории значения трактуют его как базирующееся на положении вещей в объективной реальности, вследствие чего значением высказывания должна быть реальность.

Традиционно принято было говорить о структуре лексического значения применительно к многозначному слову. Но с возникновением компонентного анализа как метода, состоящего в разложении значения слова на минимальные се-

мантические составляющие, появились описания семной структуры лексического значения многозначного слова, его лексико-семантического варианта, т.е. фактически однозначного слова.

Формальные теории значения признают, что мозг является тем местом, с которым увязывается значение. Например, теории искусственного интеллекта обычно трактуют мозг как устройство, производящее вычисления на базе бессмысленных символов, которые остаются таковыми в ходе манипулирования ими, но получают при этом одну интерпретацию из набора зафиксированных. Комбинация такого формального устройства и фиксированных интерпретаций называется «семантическим устройством». Значение фигурирует при этом во множестве формальных исчислений, а задача теории значения состоит в обнаружении природы таких исчислений.

В отличие от этого когнитивные исследования природы значения трактуют как основополагающий, а не случайный тот факт, что значение приписывается мозгом человека. Значения в мозгу разных людей связаны не потому, что они являются копиями некоторого внешнего значения, а потому что мозг у разных людей имеет биологическое и функциональное сходство. В значении слова отражаются результаты познавательной (мыслительной) деятельности человека, которая характеризуется категоризацией – обобщением.

Интересной представляется позиция А. Вежбицкой, которая трактует значение слова как неко-

торую конфигурацию семантических примитивов и ставит своей задачей выявление семантических инвариантов значения слова через анализ широкого круга его употреблений с опорой на интроспекцию. При этом она полагает, что «использование прототипов может помочь конструировать самые удачные и наиболее наглядные дефиниции, нацеленные на отображаемую языком и оформленную его средствами концептуализацию реальности человеком» [2: 169].

На современном этапе развития семасиологии в структуре лексического значения целесообразно выделять пять основных аспектов: 1) денотативный, 2) сигнификативный, 3) структурный внутренний, 4) структурный внешний (значимость слова в системе – в синонимическом ряду, лексико-семантической группе, в лексико-семантической системе в целом) и 5) коннотативный (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов и др.).

Даже из беглого анализа существующих в семасиологии направлений очевидно, что одни авторы более или менее успешно описывают системное значение слова, а другие пытаются обнаружить его психологическую структуру, в то время как сторонники компромиссных вариантов учитывают и то и другое, тем самым имплицитно признавая важность сочетания системных и психологических характеристик значения слова как достояния индивида. Так, сочетание метода семантического дифференциала и теории личностных конструктов Дж. Келли используется В.Ф. Петренко в русле психосемантического (теоретического и экспериментального) подхода к исследованию сознания и личности. Активно исследуются различные формы существования значений в индивидуальном сознании, проводятся многочисленные эксперименты по реконструкции индивидуальной системы значений.

Психолингвистов значения интересуют не сами по себе, а в связи с их включенностью в общественно-практическую деятельность людей, то есть можно «говорить о текстовой деятельности, текстовой коммуникации» [5:7].

Поскольку при психолингвистическом подходе в фокусе внимания оказывается индивидуальное значение, потребовался пересмотр логико-рационалистической трактовки значения, ставшей привычной и устойчивой традицией. С позиции психолингвистики исследуется слово как достояние индивида, а это означает, что важно исследование специфики функционирования языкового/речевого механизма человека. Иначе говоря, необходим подход к значению, способный обнаружить и объяснить, что знает человек, когда он знает значение слова, на чем базируется переживание

значения слова как знакомого, понятного, какие стратегии и опорные элементы используются при поиске слова в памяти, при понимании воспринимаемого текста.

Актуализация значения слова при психолингвистическом подходе предполагает возможность выявления самого актуального для текущего момента и конкретной языковой личности аспекта значения, что время как всё остальное игнорируется. И это чрезвычайно важно для поэтического текста, когда каждый читатель воспринимает текст по-своему.

Важными для психолингвистического значения является вопрос о формах репрезентации значений в памяти человека; к их числу относят признаки, концепты, образы, прототипы, пропозиции, фреймы, события, ментальные модели и т.д. Такой подход позволил обнаружить ряд специфических особенностей значения как достояния индивида (например, роль опоры на характерные, «случайные» признаки, на примеры или прототипы категорий, учет связанных со словом эмоционально-оценочных переживаний и т.д.).

К числу направлений исследования специфики значения как достояния индивида можно отнести ассоциативный (Дж. Диз, А.А. Залевская), параметрический (Ч. Осгуд, В.Ф. Петренко), признаковый (Дж. Кесс, И.Н. Кузнецов), прототипный (Э. Рош, Р.М. Фрумкина), и ситуационный (Т.Ю. Тамерьян, В.Я. Шабес, П. Джонсон-Лэрд) и другие подходы.

Таким образом, именно психолингвистический подход к значению поможет объяснить многие процессы, происходящие со значением и смыслом при восприятии поэтических текстов. Мир, находящий отображение в значении слова, не постулируется «извне», а исходит от носителей определенного языка и культуры (при порождении поэзии – от автора, при восприятии – от реальных читателей). Художественный текст живет до тех пор, пока каждая новая интерпретация черпает из него новые смыслы. Читатель, воспринимая стихотворение, вступает с ним в диалог и налагает на него собственную схему смысла, что позволяет ему увидеть в данном тексте нечто свое. Поэтому можно интерпретировать стихотворение в довольно широком диапазоне: восприятие текста вариативно, в самом же тексте содержится инвариант этих разночтений. Ю.Б. Боров пишет: «Многозначность прочтения литературного текста не бесконечна, не абсолютна и имеет свои пределы. Прочтение может иметь определенную амплитуду колебаний вокруг «оси» смысла. За пределами крайних точек этой амплитуды прочтение становится неадекватным тексту» [1: 32].

В современной психолингвистике жестко различаются такие психологические понятия, как «**значение**» и «**смысл**».

Значение, согласно А.Н. Леонтьеву, – это то, что «открывается в предмете или значении объективно – в системе объективных связей, отношений, взаимодействий» [7: 297]. А.А. Леонтьев, продолжая мысль отца, утверждал, что значение – «превращенная форма деятельности субъекта, познающего и преобразующего мир» [6: 14], поэтому в значении фиксируются свойства объекта, существенные с точки зрения общественной практики.

Концепция смысла зародилась в трудах русских психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, затем проникла в психолингвистику, а потом и в лингвистику. Так, Л.С. Выготский писал, что смысл выходит за границы языковых значений и «упирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом», тогда как языковые значения, участвуя в смыслообразовании, являются «камнем в здании смысла» [3: 370]. А.Н. Леонтьев значение противопоставлял личностному смыслу, который являет собой – «личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [8: 147].

Итак, значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. Человек живёт в мире значений, которые открыты для него в каждом слове другими людьми. Но сам он не в состоянии усвоить все значения всех слов или даже некоторые значения в их полном объёме. Значение выступает в единстве с **личностным смыслом** и чувственной тканью, образуя структуру индивидуального сознания.

Личностный смысл — это переживание субъективной значимости предмета, действия или события, оказавшегося в поле действия ведущего мотива. Это одна из главных образующих сознания, осознаваемая как «значение для меня».

Если значение «ограничивает человека рамками культурно-исторического опыта конкретного общества», то личностный смысл включает чисто субъективные моменты осознания действительности. Перед читателем стоят две задачи – уяснить объективные значения о мире через присвоения значения с помощью личностного смысла.

Как же применить добытые в современной психологии и психолингвистике знания о смысле и значении к поэтическому тексту?

Мы исходим из того, что всякое значение – объективно, оно выражает общую для всех сумму истин, существующих в мире и обществе. Оно есть постоянное и неотъемлемое качество или свойство объекта (в нашем случае – поэтического текста). А смыслы и в настоящее время можно охарактери-

зовать словами Л. Блумфилда, изреченными почти 100 лет тому назад: «Смысл существует, но мы не можем сказать о нем что-нибудь осмысленное». Хотя поиски смысла текста активно ведутся сейчас не только с помощью различных традиционных (филологических) видов анализа – литературоведческого, лингвистического, комплексного, но и в психолингвистике, экзогетике, герменевтике, синергетике и др., но за истекшее время мало что можно прибавить к сказанному Л. Блумфилдом: на современном этапе развития науки невозможна полная научная рационализация проблем смыслопорождения.

Поэтому проблема взаимоотношения языка и мира художественных смыслов пока далека от своего решения. Так, до сих пор непонятно, как осуществляется конструирование смысла в поэзии, как фраза обретает приращения смысла, не планируемого самим автором, в какой степени весь смысловой комплекс поэтического текста детерминирован национальной культурой, ее эстетической традицией и т.д.

Мы пытаемся понять и объяснить механизмы возникновения поэтического смысла, и при этом считаем, что собственно семантические описания содержания текста малоперспективны, т.к. здесь описываются лишь значения, а за его рамками остаются смыслы.

Вся сложность улавливания поэтических смыслов состоит в том, что поэзия выходит за привычные рамки смысла, создает новый смысл, часто более глубокий, чем общепринятый, закрепленный за этими словами. Поэтому любое слово в поэзии может оказаться как синонимом, так и антонимом любому другому. Возьмем, к примеру, отрывок из стихотворения А. Ахматовой «Двустышие»:

*От других мне хвала, что зола,
От тебя и хула – похвала.*

Здесь *хвала* (абстрактное существительное) неожиданно становится синонимом предметному существительному *зола*, что рождает множество конкретных поэтических смыслов: *зола* – остаток, нечто сгоревшее, ненужное, это символ – смерти, праха, тлена. Так *хвала* становится близким по значению *зола*, а *хула* сближается поэтическими смыслами с *похвалой*. Мы видим, что в поэтическом тексте редко используются слова в обычных словарных значениях: они или расширяются, или меняются до своей противоположности, актуализируя одну из своих сем, или сливаются с другими словами поэтического контекста.

Д.С. Лихачев писал, что художественное слово нагружено «широким и разнообразным объемом», имеет «ассоциативную ауру», особый «сверх-

смысл»; в художественном тексте важен не весь объем значения, а «нечто», извлекаемое из объема и ауры. Это «нечто» появляется в контексте, и тогда над контекстом возникает какое-то слабо уловимое мелькание значений, эмоций, ассоциаций, которое рождает особый сверхсмысл.

На чем держится этот сверхсмысл, чем создается? Любими единицами языка, приемами их функционирования в тексте, важнейшими среди которых являются фонетические и ритмо-мелодические. Например,

*Вошла в лиловом в догово и в доно
ловушки – и благословил довец
все, что совсем почти, едва лилово
или около-лилово, наконец* (Б. Ахмадулина).

Аллитерация *Л* вкупе с повторяющимся гласным (ассонанс) *О* создают образ попадающей в ловушку лирической героини, которая, будучи в лиловом (что усилено тройным повтором слова), цвете, свидетельствующем, по мнению современных психологов, о том, что, во-первых, лирическая героиня имеет сложную психическую организацию, а во-вторых, она имеет проблемы в жизни. *О.* Уальд писал, например, приблизительно так: не доверяйте женщинам, которые после сорока носят лиловое: это женщины с прошлым. И действительно, лирическая героиня попала в *логово ловушки*, и это судьба, ибо все это *благословил довец*; безысходность ее положения подчеркивается сближением слов с одинаковым звуковым комплексом *лов*: *ловушки*, *благословил*, *довец*.

Данный поэтический образ, нарисованный с помощью лилового цвета, не нов – еще И. Северянин писал: *Ласковая лилейность лилий, влюбленных в плен / Липких зеленых листьев* (И. Северянин «Лунные лики»); здесь также плен, своего рода ловушка. Следовательно, цветовые предпочтения Б. Ахмадулиной и И. Северянина рожают устойчивые ассоциации, формируется своего рода цветовой код, понятный всем носителям данной культуры и языка, на этом и основан сверхсмысл стихотворения.

Еще один пример:

*В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наважденье причин*

(О. Мандельштам).

Слово *игольчатые бокалы* рожают ассоциации с готическими узорами на хрустале и с колющим вкусом шампанского, что имплицитно коннотативный смысл «праздничность». А сочетание со словом *чумные* активизирует коннотативные смыслы – «опасное», «смертельное». Значение становится амбивалентным. Кроме внутритекстовых ассоциаций, здесь возникают интертекстуальные связи с «Пиром во время чумы» со всеми

вытекающими ассоциациями и коннотациями, что еще более усиливает семантику смертельной опасности. Следовательно, неожиданное появление слово *чумные* становится источником нового знания, новых значений и смыслов. Здесь можно наблюдать двойную жизнь значений: социальную и индивидуальную, все действительно сплетается в единую ткань (ср. латинский термин *textus* – связь, ткань), в целый сонм смыслов.

Наши наблюдения показывают, что есть языковые и поэтические смыслы. В поэзии почти всякое слово живет собственной жизнью, отличной от жизни в естественном языке. Например, у М. Цветаевой:

Вкрадчивостью волос:

Владь и в лоск

Оторопью продольной –

Синь полуночную, масть

Воронову. В гладь и всласть

Оторопи вдоль – ладонью.

Читая стихотворение М. Цветаевой, будто погружаешься в какой-то необъяснимый, гипнотический процесс, где каждое слово значит нечто иное, нежели в обыденном языке, а некоторые из них выдуманы поэтом: *владь*.

Оба героя стихотворения – Он и Она – на грани эмоционального срыва, в состоянии эмоционального напряжения: *оторопь ладони* (метафора ладони), *оторопи вдоль* (метафора волос), по которым гладит ее Он. Интересно, что в основе метафор лежит не традиционный глагол, а имя существительное, акциональность же создается за счет имени, имя замещает целую пропозицию. Думается, это объясняется большей способностью имени к абстрактному обобщению, ведь глагол обязательно требует актантов, деталей.

Здесь за счет окказионализмов, необычной сочетаемостью, многозначностью, создается семантическая широта стихотворения, основной смысл которого выходит далеко за рамки нормативного значения слов, в них использованных. Поэтическое слово отличается от слова обыденного языка, оно не рассудочно, а невыразимо замкнуто на самом себе, но пытается заглянуть в тайну языка.

В поэзии мир освобождается от причинно-следственных связей, о чем свидетельствуют переходы от бытия к небытию и обратно в поэтическом мире (ср. открытие антивещества, антимира). Энергетика стихотворной формы создается из борьбы притяжения и отталкивания. Язык выражает это так: обилие эллиптических предложений, разрывы логической цепи, перехлесты смысла из строки в строку (*Перерывные – как битвой / Взрыхленные небеса* – М. Цветаева «Облака»), экстремальная субъективность ее ассоциаций. Вслед

за Киркегором она создает феноменологию духа, ее язык дик и чуток.

Всякий текст имеет два основных смысла: смысл, который вкладывается автором, и смысл, который извлекается читателем. Эти смыслы принципиально не совпадают из-за индивидуальных различий в личности и часто не совпадают с объективным значением. Поэтический текст как раз и отличается тем, что порождает у читателя огромное количество смыслов, совсем не запланированных автором.

Нужно подчеркнуть, что разграничение смысла и значения позволит установить, как именно те или иные параметры контекста влияют на восприятие, почему отдельные параметры читатели отбрасывают, игнорируют. Дифференциация их позволит избежать многих ошибок, растущих как грибы в работах молодых исследователей. Так, Е.Ю. Муратова пишет: «Синергетические исследования дают возможность универсальным образом описывать явления самоорганизации систем и *самопорождения смыслов*» (выделено автором) [9: 3]. Однако смысл – это не категория текста, а категория языковой личности, порождающей и воспринимающей текст. Источник смысла – деятельность, а не текст как таковой. Текст становится носителем смысла лишь в контексте человеческой деятельности при выполнении текстом коммуникативной, эстетической и некоторых других функций.

Содержание поэтического текста в целом – динамическая смысловая система, где взаимодействуют авторские смыслы со смыслами языковой личности, воспринимающей текст, потому что текст без воспринимающего лишь набор мертвых знаков. Известный философ и лингвист Ю. Шрейдер считал, что смысл не вкладывается в текст, как предмет в ящик. Он возникает в процессе создания текста и умирает, воплощаясь в тексте. Пре-

ображенный, этот смысл воскресает в процессе восприятия текста и укладывается в новые тексты, порождаемые воспринимающим под воздействием исходного текста.

Еще В. Гумбольдт впервые четко обозначил ряд ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов – смыслов, лежащих за пределами слова. Он сформулировал мысль о том, что смыслы независимы и первичны по отношению к языку. Этим он придал миру смыслов статус независимого объекта, предвосхитив некоторые идеи З. Фрейда и К.Г. Юнга, а также представления современных исследователей. В. Гумбольдт отметил скрытость этих смыслов от человеческого рассудка, а, кроме того, он обратил внимание на принципиально важное обстоятельство: «...человек чувствует и знает, что язык для него – только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью. Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью» [7: 297]. (Гумбольдт, 1985, с. 378). Таким образом, язык (по В. Гумбольдту) не в силах выразить Несказанное, но поэзия способна помочь в него проникнуть, помочь постичь смыслы.

Что это за смыслы? Это бессознательная часть психики, и поэтические смыслы отличаются от рациональных и по организации, и по существенным характеристикам. Так образуется мир иррационального, Несказанного, перед которым обыденный язык бессилён, но именно поэтический язык помогает проникнуть в то, что лежит за порогом сознания. Справиться с задачей прояснения этих смыслов могут лишь поэтические тропы, и в первую очередь – символ, метафора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боров Ю.Б. Эстетика. М., 1988.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1956.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
5. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
6. Леонтьев А.А. Формы существования значений. М., 1983.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
8. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. М., 1983.
9. Муратова Е.Ю. Смыслы слова в системе поэтического языка. Минск: БГУ, 2008.